

Екатерина Годвер родилась и живет в Москве. По образованию – клинический психолог, мастер FIDE по шахматам среди женщин. Победитель фестиваля «Я только малость объясню в стихе» им. Высоцкого (г.Новосибирск, 2023), лауреат литературной премии «Форпост» (2023), конкурса литературного журнала Север «Северная звезда» (2022) и фестиваля им. Ошанина «Солнечный круг» (2023). Стихи публиковались в альманахах и журналах «45-я параллель», «АлександрЪ», «День и ночь», «Южный маяк», «Север», «Наш Современник» и др. Член Союза Писателей России. Автор книги стихотворений «После больших снегов».

Екатерина Годвер г. Москва

В сентябре расцветшая ромашка
Во дворе моем не ко двору.
Мимо в школу ходят первоклашки,
Парочки гуляют ввечеру...

Что ей осень! Жухлые газоны,
Мертвенно шуршащая листва –
А ромашка с видом Робинзона
Выживает тут без волшебства.

На прохожих смотрит желтооко
Во дворе панельки типовой,
На ветру качает одиноко
Белой несклоненной головой.

Хочется сорвать – но не дерзаю.
Уважаю храбрость и апломб.

Я о жизни многого не знаю,
В жизни ближе мне металлолом –

И цветку недолго тут уютиться...
Смысла в нем – всего-то ничего:
Мимо проходя, остановиться,
Посмотреть немного на него.

В пустом стакане тает лёд,
Пылит оранжевое лето.
Кружит усталый звездолет
У неизведанной планеты.

В огне сгорают мотыльки,
А он, бескрылый и железный,
Земной природе вопреки,
Прошел сквозь каверзную бездну.

Он – приведение, фантом,
Он – лед, растаявший без толку,
Ещё один красивый том
На прикроватной книжной полке.

Но капитан сквозь перископ
Глядит с задумчивой улыбкой.
Багряный плавится песок,
И жизнь не кажется ошибкой.

Майор Александр Иванчев
Заходит на цель.
В зелёной траве одуванчик
Горит как солнце.

Воздух разъят крылом
Распополамлен,
Плещется под соплом
Пламя.

Майор вспоминает из книжки
Детский стишок.
Таня, Бычок, Мишка.
Все у вас хорошо?

Год сгорает за два,
Брешут приборы.
Трава у дома, трава
Мститя майору.

Зубы сцепив, Иванчев
Терпит двенадцать «g»
Он не может иначе.
Не отступить же?

Пластик клавиши пуск
Пальцем продавлен,
Сумеречен и тускл
Цвет яблонеый.

Не унывай, майор.
Многая лета!
Пробьет впотьмах коридор
Наша ракета.

Однажды нам покажется, что кончено.
Что наше время, время колокольчиков,
Рингтоном отзвучало по распутице:
Пускай теперь сама планета крутится!

Нехай с нее ножом снимают кожицу -
Без нас пиры и скорби приумножатся,
Другие пусть ликуют и куражатся.
Однажды нам покажется. Покажется...

Согрелись в мягких креслах мы под пледами.
Но брызжет ночь из-под копыта медного,
И колокол над сонною Отчизною
По каждому звонит, отлитый сызнова.

Монета

Ночью небо в брызгах молока.
Грязь да иней – кофе с серебром.
Сосны зацепляют облака,
Падает монета на ребро:

Быть – не быть, забыть не – позабыть?
Катится оброненный обол.
Подле бабка-ёжкиной избы
Розовый безвременник расцвёл.

Перекасти-поле перека...
Тикают старинные часы.
Холодом учили дурака,
Холодом дурак по горло сыт.

Он стучит в окованную дверь:
«Отпирай, старуха, помогай»!
Ветер воет, снег летит наверх,
Топают куриная нога.

Вот бы растянуться на печи!
До утра не думать ни о чём,
Слушая, как времечко стучит
Маятника нёбным язычком.

Только хлад вокруг да ветродуй,
В ступе догнивает помело:
«Сгинула старуха на беду,
Но тебе, голубчик, поделом»!

Ветер свищет, сосны гнёт, шутя.
Падает монета на ребро...
И дурак уходит, как дитя
Безысходно веруя в добро.

Сирень

Ползет букашка по листу, дрожит и пятится.
Прохожему невоготу. Сегодня пятница,
И пьяный гвалт вокруг, и стыд, весна-распутница.
А он устал, а он простыл, совсем запутался.

А впереди – и грех, и страх, и покаяние.
Ещё останутся в веках его деяния...
Но не сейчас: в чужом дворе, с улыбкой школьника
Горбатый нос уткнув в сирень, стоит Раскольников.

Он познаёт, хоть по сюжету не положено,
Что всяка дрянь и всяка тварь на свете божия,
И даже если ничего внутри не ёкнуло,
Пока сирень ломали вечером под окнами.

По лужам фантики плывут, а тонут винтики.
Букашка падает в траву, никем не видима,
И не склоняя головы, идет Раскольников,
От Петербурга до Москвы, к друзьям, в Сокольники...

Дыра в поношенном пальто, в ботинках Ладога.
Судьба найдет его. Потом – роман и каторга.
Черна могильная плита, обложка книжная...
Букашка учится летать. Букашка выживет.

Празднует неспящая столица,
Примеряет модные приبلуды.
Но все чаще, вглядываясь в лица,
Думаешь: «Туда?» или «Оттуда?»

Общество живёт, не чуя тряски,
Только изнутри, бывает, гложет.
Вот мужик в подземке на коляске.
Может быть, авария. А может?..

Ветеран он или работяга?
От раздумий тошно и неловко:
Мы с ним под одним, под русским флагом
Едем до конечной остановки...

Взгляд не отвожу, слегка киваю.
Он молчит, придавленный судьбою.
А Москва, нарядная, живая,
Плавно поглощает нас обоих.

На лёд, присыпанный снежком,
Ступает голубь сизый.
Топорщит хвост, идёт пешком
По скользкому карнизу,

Глядит в окно на жёлтый свет,
На ходики с кукушкой,
На облетевший сухоцвет
И хлебную горбушку.

Пора ему сорваться вниз,
В метель, расправив крылья;
А он ступает на карниз,
Где в снежно-звездной пыли -

Цепочка маленьких следов,
От края и до края.
И лампы желтый ободок
Горит, но не сгорает.